

Общерусская история – наше все

Лев КРИШТАПОВИЧ,
доктор философских наук,
профессор

Особенностью нынешнего углубления взаимозависимости между государствами, народами и отдельными людьми является именно вступление человеческой цивилизации в интеграционный этап своего развития. Интеграция предполагает не просто увеличение объединительных усилий в современном мире, а и выбор пути, новую парадигму эволюции человечества. Основывается данный процесс на новом прорыве в науке и технике, на развитии высоких технологий и новейших технических средств, таких как компьютеры, телекоммуникационные сети, спутниковая связь, скоростной транспорт, оптоволоконная техника, Интернет, которые произвели качественные изменения в средствах производства и в личности работника, открыли возможность резкого нарастания масштабов создания материальных ценностей и широкий диапазон новых форм социального общения людей и культурного взаимообогащения народов. Особенно актуальна проблема интеграционного развития на постсоветском пространстве.

Как эффективно осуществлять интеграцию при соблюдении суверенитета и независимости каждого государства для решения субрегиональных, региональных и международных геополитических проблем, для формирования подлинно самостоятельной государственной политики во всех сферах? Смысл интеграционной парадигмы развития не только в экономическом объединении постсоветских стран, а, прежде всего, в гуманитарной, социальной интеграции, то есть в перенесении центра тяжести с собственно финансово-экономической и торговой на историко-ментальную и социально-культурную жизнедеятельность.

Говоря об интеграции постсоветских государств, многие сосредотачиваются на экономике и недостаточно уделяют внимания философско-историческому,

ментальному фактору. Чтобы правильно оценить ситуацию, необходимо выяснить, что лежало в основе разрушения СССР, а следовательно, и дезинтеграции постсоветского пространства. Ни для кого не секрет, что это были антирусские исторические взгляды. Под предлогом укрепления независимости и суверенитета общественному сознанию в постсоветских республиках навязывались всевозможные русофобские концепции. Притом антирусизм выступил в двух формах: антисоветизма и собственно русофобии. В зависимости от аудитории и политической конъюнктуры дезинтеграторы использовали либо антисоветизм, либо антирусизм.

Так, в Беларуси вместо общерусской истории, в рамках которой сформировался белорусский народ и реализовалась белорусская государственность, в систему образования, науки и культуры, официальную историографию активно внедрялись теория балтского субстрата, история Великого Княжества Литовского, история польско-шляхетская, где доказывалось, что белорусы и русские якобы не имеют ничего общего между собой. Подобные антирусские мотивы в скрытой форме проявились в «Очерках истории Беларуси», изданных в 1994–1995 годах в двух частях Институтом истории Академии наук Беларуси.

ОБ АВТОРЕ

КРИШТАПОВИЧ Лев Евстафьевич.

Родился в 1949 году в д. Пекалин Смолевичского района Минской области.

В 1976 году окончил исторический факультет Белорусского государственного университета.

С 2008 года – заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь.

Доктор философских наук (1998), профессор (2005).

Автор около 200 научных публикаций, в том числе 3 монографий.

Сфера научных интересов: социально-политические процессы в современном мире, вопросы национально-государственного развития Беларуси.

В Украине наиболее оголтелые русофобы также выстраивали самые сумасбродные исторические концепции с единственной целью – как можно сильнее развести русских и украинцев по разные стороны цивилизационного развития. Как отмечает доцент Киевской духовной академии Алексей Добош, «история Украины сегодня старательно переписывается прокатолическими «деятелями». Разумеется, все эти антирусские потуги были самой заурядной фальсификацией реальной истории белорусского и украинского народов. Драматичность ситуации заключалась в том, что антирусские инсинуации доминировали и в самой России и самым нахальным образом навязывались обществу. Показательны в этом плане работы А.Н. Сахарова, в 1993–2010 годах занимавшего пост директора Института российской истории РАН. Они пронизаны презрением к русскому народу, «темной стихии, огромной серой массе, исповедовавшей простые и одномерные формы жизненного переустройства» [1, с. 309, 320]. С подачи таких вот русофобов в свое время президент Б.Н. Ельцин обсуждал план раздела России на 7 государств.

Надо отметить, что русофобствующие политиканы сами ничего не изобретали, они всего лишь копировали антирусские и антисоветские взгляды, которые были изложены в работах западных историков и политологов. В частности, в книгах яркого антисоветчика З. Бжезинского излагались сценарии раздела России на отдельные государства, выдвигались предложения о ликвидации Мавзолея В.И. Ленина на Красной площади, ставился знак равенства между фашистской Германией и Советским Союзом [2, с. 127].

Неизвестно, куда бы завели общество такие политиканы, если бы новый президент России В.В. Путин своевременно не поднял вопрос о необходимости создания правдивого и нравственного учебника о великой русской истории в неразрывной связи всех ее периодов: досоветского, советского и постсоветского. Выступая в 2013 году перед участниками Валдайского клуба, российский лидер подчеркнул: «Мы должны гордиться своей историей, и нам есть чем гордиться. Вся наша история без изъятов должна стать частью российской идентичности» [3, с. 6].

▲ В. Путин выступает перед участниками Валдайского клуба. 2013 год

Некоторые публицисты и историки, поддерживая идею написания правдивого учебника по истории, в то же время выражают недоумение, как это сделать. Например, можно ли объективно описать Кавказскую войну? Ведь в коренной России главнокомандующий Кавказской армией А.П. Ермолов герой, а на Кавказе его именем пугают детей. [4, с. 9].

Подобные исследователи хотят правдивых ответов, не понимая того, что нельзя историю подменять историческими казусами. Ведь дело не в них, а в смысле истории. И в этом плане генерал А.П. Ермолов герой не только коренной России, но и кавказских народов, поскольку его деятельность открывала для последних перспективу исторического развития. В противном случае народы Кавказа были бы данниками реакционных режимов шахского Ирана и Османской империи, что лишило бы их действительного исторического бытия.

Печальный итог этой антирусской вакханалии сегодня признан всеми здравомыслящими и не потерявшими совести учеными и политиками. Притом для России, Беларуси и Украины отрицание общерусской истории вообще оказалось катастрофическим, что особенно отразилось на демографическом состоянии наших стран. По расчетам доктора медицинских наук Игоря Гундарова, Россия недосчиталась за 1991–2011 годы почти 30 млн человек: от избыточной смертности – 12,2 млн, от падения рождаемости – еще 17,4 млн. Демографические по-

тери Украины в результате так называемых либеральных реформ достигли 10 млн человек. В 1989 году в Украине насчитывалось почти 52 млн, а в 2012 году – 45,5 млн. И даже Беларусь за период с 1989 по 2009 год потеряла 700 тыс. человек.

В этом плане интересно вспомнить демографическое положение в СССР во времена так много муссируемых сегодня сталинских репрессий. По подсчетам православного публициста Владимира Тимакова, прирост населения в 1937–1938 годах составил более 6 млн человек. О чем это говорит? О том, что именно в этот период максимальны проявились созидательные тенденции в стране: по сравнению с царским временем был достигнут значительный прогресс в здравоохранении, почти вдвое сократилась естественная смертность, в том числе детская. А ведь в дореволюционной России больше половины детей не доживало до совершеннолетия, и средняя продолжительность жизни населения составляла всего лишь 32 года. Депутат от кадетской партии во II Государственной думе М.Я. Капустин приводил такие ужасающие факты: «Дети обречены на такую громадную смертность, когда из ежегодно рождающихся в некоторых местах 40 человек из 100 погибают, не достигши одного года» [5, с. 1796–1797]. При такой демографической тенденции ни о каком нормальном развитии производства и культуры в стране не могло быть

и речи. Россия находилась на периферии исторического процесса и практически ничем не отличалась от колониальных стран с такой же ужасающей нищетой, неграмотностью и продолжительностью жизни.

А взять проблему народного питания в дореволюционное время. Сегодняшняя антисоветская пропаганда занимается аллилуйщиной столыпинской реформы. Дескать, П.А. Столыпин думал о народном благоденствии. Думал, но только не о нем, а о том, как сохранить в неприкосновенности помещичье землевладение. Отсюда и аграрная реформа, целью которой было переключить внимание крестьян с помещичьего землевладения на общинное, изобразить последнее главным препятствием на пути сельскохозяйственного прогресса. Отсюда апелляция П.А. Столыпина к чувству личной собственности, к крепкому крестьянину, который имеет право выделяться из общины и устраивать свое хуторское хозяйство. Смысл реформы был понятен всем: «грабь общину, но не тронь помещиков», о чем прекрасно сказал в 1908 году депутат III Государственной думы Н.Е. Марков: «Если бы настал такой несчастный для России день, когда все земли сделались бы исключительно крестьянскими, то это был бы день величайшей гибели, если бы взяли землю у помещиков, то явились бы сейчас же мировые полицейские, в виде разных бронированных иностранных кулаков, которые немедленно вобьют в эту голову (крестьянскую) железными ударами сознание необходимости уважать право собственности» [6, с. 1075–1076]. И когда в 1909 году был принят столыпинский аграрный закон, то даже лидер кадетов П.Н. Милюков вынужден был признать, что «Дума совершила преступление перед народом» [7, с. 2953].

Именно помещичье землевладение было главной причиной периодических голодовок и плохого питания народа в России. А поскольку столыпинская реформа оставляла его в неприкосновенности, то ни о каком прогрессе в сельском хозяйстве в России говорить не приходилось. Даже сами депутаты-помещики, в частности граф В.А. Бобринский, владевший в Тульской губернии 13 тыс. десятин земли, отмечал, что «население у нас на душу потребляет, приблизительно, 16,5 пуда муки в год, тогда как в самых бедных странах, например в Алжире, потребляется 24 пуда» [5, с. 1291].

Или взять вопрос о грамотности и образовании в дореволюционной России. Русский политический деятель начала прошлого века В.М. Пуришкевич, выступая в 1907 году с трибуны II Государственной думы, утверждал, что женщины в России составляют 1,6% грамотных от общей численности населения, и подчеркивал, что такое положение с грамотностью было в Турции в 1861 году [5, с. 1008]. А каково было положение в стране с высшим образованием? Оказывается, во всех девяти университетах в 1908 году училось всего 35 тыс. студентов. Издававшийся в России журнал «Вестник воспитания» в 1906 году опубликовал подсчеты, из которых вытекало, что всеобщая грамотность в европейской части страны достижима разве что через 120 лет, в Сибири и на Кавказе – через 430 лет, а в Средней Азии – через 4 600 лет [8, с. 336–337]. Это было не развитие, а деградация. Сама жизнь народа требовала революционного отказа от такого варианта движения, и прорыв был осуществлен в результате социальной революции в 1917 году.

Главное, что обусловило резкий прирост населения в 30-е годы XX века, – это гуманистическая социальная политика, направленная на раскрепощение созидательных творческих сил народа, забота государства об интеллектуальном и нравственном развитии детей рабочих и крестьян, всеобщий социальный оптимизм населения, сознание всемирного характера своей общерусской истории.

Разрушение Советского Союза привело к тому, что в значительной степени была девальвирована наша общерусская история. Братские народы СССР пытались лишиться общерусского самосознания, философско-исторического единства. И, естественно, в итоге – всплеск негатива, в том числе и физическое вымирание населения. Так наша общерусская история отомстила всем нам калейдоскопом социально-экономических и духовно-нравственных катастроф за разрушение собственной страны, за то зло, которое русофобы навязывали белорусам, русским, украинцам в качестве якобы необходимого условия приобщения к западному благоденствию. Поэтому решение демографической проблемы – это решение не только конкретных социальных задач (медицинских, физкультурно-спортивных, культурных), но и задач философско-

▲ Плакат. 1920-е годы

исторических, таких как возрождение общерусского смысла жизни наших людей. Возвращая общерусскую историю во все сферы жизнедеятельности постсоветского общества, мы тем самым освобождаемся от целого спектра катастрофических процессов и выходим на интеграционную траекторию движения.

С точки зрения философии истории, те постсоветские республики, где фактор общерусскости если и не выступает в качестве доминирующего, но в той или иной степени присутствует в официальной историографии, а также в деятельности социальных и государственных институтов, можно условно назвать своеобразными советскими союзами, или, по современной терминологии, союзными государствами, в том смысле, что принцип союзности оказывается атрибутивным в системе их государственной идеологии. Очевидно, что такими в настоящее время являются лишь Россия и Беларусь. И не случайно российско-белорусская интеграция наиболее глубоко воплощает в себе ценности общерусской истории, а значит, представляет собой наи-

более успешный объединительный проект на пространстве бывшего СССР.

Те постсоветские страны, где фактор общерусскости задавлен или вообще изгнан из сферы образования, культуры, науки, политики, условно можно назвать осколками бывшего Советского Союза. Это объективно несостоявшиеся государства или государства абсолютно несамостоятельные, марионеточные именно по причине господства принципа антирусскости в их официальной идеологии. Наиболее показательны в этом плане страны Балтии, Грузия, Молдова, частично Украина и др. Проблема в том, что господствующие элиты в этих государствах вроде бы хотят написать свою национальную историю, а на самом деле они пишут антирусскую историю: это объективно ведет к разрушению их и так эфемерной государственности. Кроме того, такие политики объективно делают свои страны источниками постоянной конфронтации на пространстве бывшего СССР, что лишает их перспектив нормального цивилизованного развития.

Особенно рельефно это проявляется в так называемой политике евроинтеграции. Политическая диалектика такова: евроинтеграция неотделима от дезинтеграции постсоветского пространства. И что же получается на практике? Ратуя за дезинтеграцию, а следовательно, за дестабилизацию своего политического и экономического пространства, евроинтеграторы в постсоветских республиках в то же время надеются на укрепление своей государственности и своей экономики в рамках Европейского союза. Разве это не наивно? Ведь евробюрократы рассматривают так называемые новые независимые государства не на основании их политических вывесок, а по их реальному бытию, т.е. в качестве осколков бывшего СССР, которые по своему определению не могут быть самостоятельными государствами. Поэтому все евроинтеграторы на постсоветском пространстве объективно являются дезинтеграторами собственной государственности. И в этом процессе нет ничего иного, кроме глупости и позора. Это факт совершенно бесспорный. Хотя, может быть, для наивной публики и неочевидный. Как справедливо указывает советник президента России С.Ю. Глазьев, так называемое соглашение об ассоциации Украины с Евросоюзом означает, что «Украина фактически

перестает быть самостоятельным, суверенным субъектом торгово-экономических отношений» [9, с. 7].

Важно отметить: евроинтеграция для бывших советских республик основывается на господстве меньшинства граждан. Приватизация народного достояния, формирование новой элиты как некоего креативного сословия, которое, якобы, по своим не только умственным, но и физиологическим параметрам превосходит обыкновенных людей, восхваление конкуренции не только в экономике, но и в социальных и человеческих отношениях, апология несправедливо приобретенного богатства – все это призвано доказать правомочность политического господства избранного меньшинства, олигархии. Фактически это отрицание демократии, хотя такое отрицание соответствует принципам западной демократии, которая является лицемерной и формальной. Объективно евроинтеграция на основе западной демократии ведет к установлению олигархических режимов, что и происходит в тех постсоветских странах, которые избрали ее своей стратегией развития.

Отсюда должно быть понятно, что интеграция постсоветского пространства, в том числе и создание Евразийского союза, лишь тогда будет успешна, когда она будет осуществляться на основе принципа общерусскости, то есть русского языка, русской истории, русской культуры как условий реализации политического суверенитета и единства народа. Подчеркиваем: интеграция не только экономическая, но интеграция на основе общерусской истории, общерусской цивилизации. Что именно и доказывает Союзное государство Беларуси и России. Интеграция только экономическая сама по себе недостаточна – в современных условиях она уже не ведет к успеху. И такое ее понимание становится постулатом современной экономической и политической мысли. Так, на саммите МЕРКОСУР (общий рынок стран Южной Америки, включающий Аргентину, Бразилию, Парагвай, Уругвай и Венесуэлу, а также ассоциированных членов – Боливию, Колумбию, Перу, Чили, Эквадор), который состоялся в июле 2013 года, министр иностранных дел Бразилии Антонио Патриота отметил, что «интеграция, основанная исключительно на экономическом сотруд-

ничестве, ущербна. При таком варианте развития процесс развивается однобоко и, в конце концов, затормаживается и впадает в стагнацию. Параллельно с развитием экономических связей и инфраструктуры следует в обязательном порядке развивать интеграцию в сферах науки, технологий, здравоохранения, образования» [10, с. IV]. Оказывается, что не экономика, а идея истории определяет все в интеграции.

В интеграции на пространстве бывшего СССР именно важна сила нашей общерусской истории, которая включает в себя ряд аспектов.

Во-первых, геополитические и финансовые возможности России, которые способны вернуть общерусской истории ключевую роль в политической стратегии постсоветских стран. Особенно многое они могут дать Беларуси и Украине в плане обретения исторической уверенности их народов в своем будущем и внушить безысходность всем русофобам в их попытках противодействия интеграции между нашими странами. Но, разумеется, как чисто физические возможности они не могут выполнить все, что необходимо для восстановления идеи общерусскости в интеграционном процессе.

Во-вторых, в общерусской истории как ключевом факторе постсоветской интеграции важны не столько события, хронология, примеры, сколько общерусская ментальность, общерусская национальность. Это то, что в советское время обозначалось понятием «советский народ». Даже тогда досоветская история всех народов СССР как раз излагалась в русле общерусской истории, где союз, дружба, сотрудничество русского народа с другими народами Российского государства являлись основой их исторического прогресса. И это было правильно. Вот почему все русофобы, дезинтеграторы в первую очередь стремятся изгнать советский период из отечественной истории как наиболее близкий к сегодняшнему времени и, значит, наиболее опасный для их антирусских, антиинтеграционных замыслов в отношении наших народов. Именно в общерусском характере выражается национальное бытие русских, белорусов, украинцев, цивилизационное единство всех народов бывшего СССР. Общерусская ментальность позволяет чувствовать и верить, что русофобы, дезинтеграторы не

одолеют наши народы, не лишат их общерусской идентичности и исторической будущности. Это общерусское историческое сознание будет оздоравливающим образом действовать на политическую, социально-психологическую атмосферу в Беларуси и Украине, других постсоветских странах. Оно вселит в наших граждан идею исторического оптимизма, уверенность, что как бы сложно ни шли интеграционные процессы, какие бы препятствия на их пути ни возводились, интеграционное дело будет продолжаться, а противники его будут посрамлены и разбиты. Следовательно, в сознании наших народов будет укрепляться признание непобедимой силы общерусской истории.

К слову, есть еще и третий аспект ее интеграционной сущности. Это общерусское уважение к нравственным ценностям, которое не позволяет оскорблять другие народы, отрицает зло, насилие, чем так полна западная история (вспомним крестовые походы, рыцарские ордена, инквизицию, иезуитство, колониализм, современные интервенции против неугодных стран). Высокая нравственность общерусской истории, в том числе и советской, преодолет недостойную и антиисторическую политику, направленную на разъединение наших братских народов, на дезинтеграцию постсоветского пространства под предлогом так называемой евроинтеграции и «суверенизации» постсоветских стран. ▀

ЛИТЕРАТУРА

- Сахаров, А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация / А.Н. Сахаров. – М.: Институт российской истории РАН, 2004.
- Бжезинский, З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский; пер. с англ. О.Ю. Уральской. – М.: Международные отношения, 1998.
- Путин, В. Выступление на Валдайском форуме // Наш современник. – 2013. – № 10.
- Дорофеев, Н. В поисках исторической правды / Н. Дорофеев // Российская Федерация сегодня. – 2013. – № 5. – С. 6–9.
- Стенографические отчеты второй Государственной Думы: в 2 т. – СПб., 1907. – Т. 1.
- Стенографические отчеты Государственной Думы. 1907–1908. 3-й созыв. Сессия 1. – Т. 1–3. – СПб., 1908. – Ч. 2.
- Стенографические отчеты Государственной Думы. 1908–1909. 3-й созыв. Сессия 2. – Ч. 1–4. – СПб., 1909. – Ч. 3.
- Социализм и прогресс человечества. Глобальные проблемы цивилизации / Под общ. ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1987. – 447 с.
- Россия – Украина: убрать «берлинскую стену» // Российская Федерация сегодня. – 2013. – № 13–14.
- Политический саммит МЕРКОСУР // Союзное вече. – 2013. – 18–24 июля.